А. Ф. КОНИ

Сергей Юльевич ВИТТЕ

ОТРЫВОЧНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

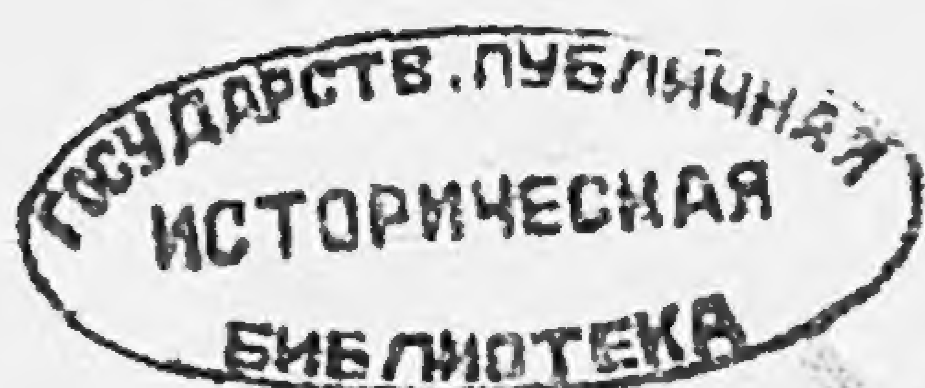
ИЗД-ВО «ПРАВО И ЖИЗНЬ»
Ул. Кропоткина (б. Пречист.), 17, т. 1-63-64.
МОСКВА — 1925

А. Ф. Кони

Сергей Юльевич ВИТТЕ

Отрывочные воспоминания

Издательство «ПРАВО и ЖИЗНЬ»
Ул. Кропоткина (б. Пречист.), 17, т. 1-63-64
Москва 1925

Главлит № 12264. Отпечатано
в гостипографии имени
Карла Маркса в Твери
в колич. 6.000 экз.

С. Ю. Витте.

(Отрывочные воспоминания).

Представление о крупном человеке и выдающемся общественном деятеле после того, как он уйдет за грань земного кругозора, черпается из разнообразных источников. Это—прежде всего его собственные мемуары, в которые, однако, зачастую может быть совершенно невольно, вносятся личные симпатии и антипатии, преувеличенная самооценка или, наоборот, то, что князь В. Ф. Одоевский остроумно назвал «гордыней смирения». Приводимые в них факты и обстоятельства иногда проходят сквозь призму позднейших настроений, окрашивающих их в новый, желательный для пишущего в данный момент, свет. Случается, что в такие мемуары, в особенности, когда они относятся к отдаленному от пишущего времени, просачивается то, что в экспериментальной психологии носит название «мечтательной лжи», которая свойственна часто детскому возрасту, а иногда и преклонному. Когда в памяти затуманивается далекое прошлое, некоторым начинает казаться, что то или другое в действительной жизни *могло* произойти. Исходя из этого, мысль начинает чаще и чаще останавливаться на том, что оно *должно* было

произойти и, наконец, укрепляется в убеждении, что оно в самом деле *было*. Поэтому, не взирая на несомненную ценность мемуаров, к ним следует относиться без слепого и безусловного доверия, а с благожелательной критикой, под влиянием которой все наносное, случайное подсказываемое темпераментом, «спадает ветхой чешуей», оставляя место лишь драгоценной, для историка, сердцевине. Почти то же самое приходится сказать и относительно воспоминаний родных и друзей. В них или достоинства усопшего берутся «октавой выше» или, наоборот, близостью к нему пользуются для того, чтобы представить интимные стороны его жизни в окраске, заставляющей припомнить слова Грибоедова: «я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи». Наша литература, к сожалению, довольно богата воспоминаниями последнего рода. Точно так-же не вполне пригодный материал представляют дневники и переписка. И те, и другие пишутся под настроением, вызванным мимолетными впечатлениями. Они служат часто показателем чуткости и восприимчивости писавшего, но они бывают нередко проникнуты болью настоящей минуты на столько, что заставляют писавшего, при дальнейшем знакомстве с жизнью, уничтожать свои дневники и сожалеть о написанных письмах. Вполне пригодным материалом для оценки деятельности человека являются его печатные труды, деловые записки, отчеты об ученых, судебных и законодательных выступлениях, но при изучении их является соблазнительное желание в литературных трудах отыскивать биографические подробности, что приводит к совершенно произвольным выводам, а документы из архивов и оффициальных сборников, рисуя

деятельность, почти никогда ничего не говорят о личности деятеля. Вот почему нельзя не признать некоторого значения за воспоминаниями, так сказать, «третьих лиц»,— не родных, друзей и близких знакомых, а об'ективных наблюдателей, бывших современниками того, о ком они вспоминают. С их уходом из жизни исчезает живое изображение человека, построенное на непосредственном впечатлении и тем более имеющее значение, чем меньше в нем партийной окраски или затронутого в настоящем или прошлом личного интереса.

Вышедшие заграницей и у нас мемуары графа С. Ю. Витте, исполнены чрезвычайного интереса и многих характерных подробностей. Они сильнейшим образом сосредоточивают внимание на личности в высокой степени выдающегося государственного деятеля. Их чтение властно переносит в недавнее прошлое России и об'ясняет ярко и без недомолвок очень многое в том пути, который вел нас к нашему настоящему.

Моя служебная деятельность дала мне возможность и случай неоднократных встреч с Витте и даже совместной работы. Я встретился с ним впервые в комиссии, учрежденной в 1876 году для исследования железнодорожного дела в России. В нее, под председательством Э. Т. Баранова (председателя департамента экономии в государственном совете), были назначены представители различных ведомств и в их числе от министерства юстиции Николай Андрианович Неклюдов и я, а также привлечены практические деятели, поставленные во главе местных подкомиссий, занимавшихся ближайшим изучением положения железнодорожного дела. Между ними

видное место занимали С. Ю. Витте, военный инженер фон Вендрих, впоследствии так много напутавший в железнодорожном сообщении во время мобилизации, вызванной восточной войной, а также главный делопроизводитель комиссии М. Н. Анненков, впоследствии энергический строитель Закаспийской железной дороги, уснащавший свои поспешные заявления бесконечными «так сказать». Работы комиссии продолжались четыре года и результатом их был проект Общего железнодорожного устава, построенный на весьма широких началах и проникнутый идеей об'единения деятельности железнодорожных обществ путем создания высшего совета с распорядительным комитетом при нем и местных железнодорожных советов. Юридическая сторона проекта была выработана Неклюдовым и мною: им—по вопросу об ответственности железных дорог за вред и убытки, а мною—по вопросу о подсудности. В 1881 году Барановым был созван многочисленный с'езд (85 человек) представителей железнодорожных обществ, городских и земских учреждений, торговых товариществ и выдающихся фирм. Эти лица, вместе с членами комиссий и подкомиссий, подвергли проект подробному обсуждению и внесли в него ряд поправок. Между членами этого с'езда особенно живым и вдумчивым отношением к делу отличались будущие министры, Вышнеградский и Хилков, представители железнодорожных обществ—Половцев, Блиох и Перль, а также варшавский профессор Симоненко, автор интересной для своего времени книги: «Государство, общество и право». Многие мнения, высказанные на этом с'езде, были весьма характерны. В них рельефно сказывались: с одной стороны, заботы пред-

ставителей капитала о всемерном ограждении представляемых ими интересов, а со стороны других представителей и в особенности профессора Симоненко—об ограждении положения служащих на жел. дорогах и лиц, приходящих с нею в соприкосновение. Так, например, Вышнеградский и Блиох возражали против установления высшей нормы голосов, принадлежащих каждому из крупных владельцев акций и защищали возможность и практическую неизбежность подставных акционеров. В своих обширных заявлениях Витте настаивал на упорядочении и об‘единении железнодорожных тарифов, приводя ряд фактических примеров, почерпнутых им еще из того времени, когда он был простым помощником, а затем и начальником станции. Его замечания на Устав отличались глубоким знанием дела и почти не встречали возражений со стороны других специалистов. Он высказался, однако, вместе с тем и против регулирования рабочих часов и настаивал на предоставлении управлению железных дорог права увольнять служащих без об‘яснения причин подобно знаменитому *третьему пункту Устава* о службе гражданской. Окончательно выработанный железнодорожный Устав поступил по заведенному, в высшей степени длительному, порядку, на заключение отдельных министерств и встретил решительные возражения со стороны министра путей сообщения, считавшего недопустимым учреждение «высшего совета» и находившего, что гораздо лучше преобразовать совет его министерства. В государственном совете куда, наконец, поступил Устав, произошла обычная история, которую можно было назвать законодательным артерио-склерозом. Эта болезнь выражалась двояко: или, если подлежал об-

суждению проект какой-либо общей организации—главная принципиальная часть его отсекалась впредь до будущего времени, а второстепенные подробности утверждались,—или наоборот, проект удовлетворения иногда весьма насущных потребностей признавался несвоевременным впредь до представления работы об общих началах, связанных с интересами и задачами отдельных ведомств. Это направление государственного совета было усвоено себе и отдельными ведомствами, которые своими заключениями прямо или косвенно тормозили работу, стоившую иногда большого труда. Так было, например, с вопросами об устранении тягостных условий паспортной системы. Три года заседала комиссия под председательством государственного секретаря Сольского, выработавшая замену паспортов,—с их пропиской и разными затруднениями при получении их из сельских обществ,—простым бессрочным свидетельством о личности, причем петербургский градоначальник Трепов и представители судебного ведомства, в числе коих был и я,—от которых скорее можно было ожидать каких либо возражений с точки зрения предупреждения и преследования преступлений,—горячо высказались за такую реформу. Но когда проект комиссии пошел по министерствам, то ведомство финансов нашло его осуществление невозможным впредь до отмены подушной подати,—что не входило в его предположения и нарушало прикрепление платежной единицы к платежному центру, а ведомство внутренних дел, с своей стороны признало, что это недопустимо впредь до переустройки крестьянского самоуправления, упразднения круговой поруки и до выработки для нанимателей гарантий от ухода нанятых рабочих, что

также не входило в его текущие предположения. Так и погиб пятьдесят лет назад этот проект и долгие годы паспортная система тяготела над народной жизнью. Одно лишь министерство юстиции постаралось смягчить, по возможности, ее карательные последствия изменением подсудности по паспортным нарушениям.

Пожелания, высказанные Витте в Барановской комиссии об упорядочении тарифного дела, нашли себе подробное выражение в ряде его статей в журнале „Инженер" и в изданной им в 1883 году книге: „Принципы железнодорожных тарифов", представляющей обширный труд по истории тарифного дела в его экономическом значении—и о правильной постановке этого дела.

Руководящим началом, в последнем отношении, Витте признавал правительственный контроль над железнодорожными тарифами, как по форме, так и по существу. Такой контроль необходим для устранения злоупотреблений и в нем должны участвовать не только представители дорог, но и представители промышленности и торговли, действующие в условиях гласности и общественной публичности при посредстве печати. Он много останавливался на вопросе о выкупе железных дорог государством, рассматривая этот вопрос всесторонне и беспристрастно. В этой замечательной во многих отношениях книге, намечающей позднейшую деятельность автора, есть целая глава, трактующая о реалистической и классической школах политической экономии, о свободе экономических отношений и государственном вмешательстве— и о научном, государственном и христианском социализме.

Можно не соглашаться с некоторыми из его оригинальных взглядов, но нельзя не отдать полной справедливости богатству и разнообразию обнаруженных им знаний в области государственной и общественной жизни, в особенности имея в виду, что этот труд принадлежит не ученому исследователю, а поглощенному практическою деятельностью начальнику движения железной дороги.

* * *

Через пять лет нам пришлось встретиться в другой обстановке.

17 октября 1888 года в 1 ч. 15 м. дня на 277 версте Курско-Харьковско-Азовской железной дороги, между станциями Тарановка и Борки произошло крушение царского поезда, следовавшего с Кавказа. Значительная часть вагонов была повреждена, некоторые совершенно разрушены и усыпали своими обломками оба высоких ската насыпи. Особенно пострадали вагон министра путей сообщения и вагон-столовая, в котором находилась вся царская семья, спасенная от гибели под тяжелыми стенами и крышей вагона, лишь благодаря принятому разрушенными частями положению. Из находившихся в поезде, 22 человека было убито и 41 ранен, из которых—шесть тяжко, со смертельным исходом.

Руководство исследованием этого несчастья, до крайности взволновавшего всю страну и породившее самые разнообразные слухи и предположения, было возложено на меня, как на обер-прокурора уголовного кассационного департамента сената. Все перипетии и подробности этого

исследования изложены мною еще в 1890 году по свежей памяти в особых воспоминаниях, предназначенных для печати, но один эпизод из них, касающийся Витте и идущий несколько в разрез с тем, что изложено в его мемуарах, может найти себе место и здесь.

Техническое изучение причин крушения, произведенное 15 экспертами—научными специалистами и инженерами-практиками, привело их к заключению, что непосредственной причиной крушения явился сход с рельс первого паровоза, произведшего своими боковыми качаниями, в размерах, опасных для движения, расшитие пути. Эти качания были следствием значительной скорости, не соответствующей, ни расписанию, ни типу товарного паровоза, усилившейся при быстром движении под уклон поезда чрезмерной длины и тяжести. Вместе с тем эксперты признали, что в виду ряда неправильностей в устройстве поезда, в его составе и управлении, движение его производилось при условиях не только не обеспечивающих безопасность, но и таких, которые никогда не могли бы быть допущены и для обыкновенного пассажирского поезда. Основанием для такого вывода послужили следующие данные: согласно установленным правилам, царский поезд в зимнее время (от 15 октября до 15 апреля) не должен был превышать 14 шестиколесных вагонов или 42 осей,—двигаться со скоростью не более 37 верст в час, иметь вполне исправный автоматический тормаз и правильно устроенную сигнализацию. В действительности, вследствие допускаемых в течение многих лет вопиющих нарушений, потерпевший крушение поезд состоял из четырнадцати восьмиколесных и одного шести-

колесного вагонов, что составляло шестьдесят четыре оси вместо сорока двух и весьма увеличивало его вес, доводя его, не считая паровоза, до тридцати тысяч пудов, что превосходило длину и тяжесть обыкновенного пассажирского поезда более, чем в два раза, и соответствовало товарному поезду из двадцати восьми груженых вагонов, могущему двигаться со скоростью не выше двадцати верст в час. Между тем этот поезд двигался со скоростью 67 верст в час,—как показал аппарат Графтио—с испорченным автоматическим тормазом и без каких либо приспособлений для сигнализации, заменяемой маханьем рук и перелезанием на паровоз из ближайшего к нему вагона. Этот поезд тащил за собой, при такой скорости, товарный паровоз, диаметр ведущих колес которого не дозволял, для избежания крайней опасности расшития пути, двигаться со скоростью более сорока с половиной верст в час.

Во время разнообразных осмотров, экспертиз и допросов на месте крушения и в Харькове, судебному следователю были доставлены из Киева оффициальные сведения, что еще за два месяца до крушения, при следовании поезда через Ковель, начальник движения Юго-Западных дорог Витте, вместе с правительственным инспектором Васильевым, предупреждал министра путей сообщения Посьета, через старшего инспектора железных дорог барона Шернваля, о несомненной опасности устройства поезда такой длины, тяжести и скорости и на то же обращая внимание секретаря министра Новопашенного. Прибывший по вызову следователя в Харьков, Витте обратился через прокурора окружного суда ко мне с настойчивой просьбой о выслушании его наедине, до дачи им показания. На

мой вопрос, какие же могут быть секреты между нами, Витте, видимо волнуясь, повторил свою просьбу. Приглашенный мною в кабинет старшего председателя палаты, он сказал: «я вызван, конечно, затем, чтобы дать показание о тех об'яснениях, которые я имел по поводу неправильности императорского поезда». На мой утвердительный ответ, он прибавил: «Да это было так. Но, во имя нашей общей работы в Барановской комиссии и рассчитывая на вашу любезность, я прошу вас войти в мое положение. Мне предстоит очень важное назначение, зависящее от министров финансов и путей сообщения, которым определится вся моя будущая карьера. Мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстановить против себя Вышнеградского или Посьета. Это может разрушить всю созревшую комбинацию. Я не знаю, что делать. Прошу у вас дружеского совета. Скажите, как выйти из этого положения. Я решительно не могу рассказать всего, что мне известно». При этом он чрезвычайно волновался. «Какой же совет могу я вам дать. Вы вызваны, как свидетель по делу первостепенной важности и по закону и совести обязаны дать вполне правдивые показания, ничего не утаивая. Вам остается это сделать тем более, что нам известна сущность этого показания из Киевского сообщения. Я понимаю трудность вашего положения, но она существует часто по отношению к тому или другому свидетелю, которому приходится жертвовать собственными выгодами, удобствами и спокойствием в виду интересов правосудия. Когда дело дойдет до суда, вам придется стать на перекрестный допрос, и то, о чем вы умолчите теперь, будет «вытянуто» из вас

совместными вопросами сторон, и тогда вы можете оказаться не только в неловком, но даже постыдном положении. Представьте себе, хотя бы лишь то, что свидетелем будет кто-нибудь, кому вы, не ожидая крушения, сообщали свои сомнения и разговоры по этому поводу. Вас могут публично поставить на очную ставку. Поэтому, единственный совет—говорите правду».—«Но ведь, это значит, что я должен говорить против Посьета и создать из него себе врага...» сказал Витте, волнуясь еще сильнее. «Может быть, и даже весьма вероятно, а все-таки другого исхода нет».—«Я вас, все-таки, очень, очень прошу, нельзя-ли что нибудь сделать, помочь мне». Разговор принимал весьма тягостный оборот. «Ведь про меня могут сказать, что я явился доносчиком на Посьета»... «Вы явились не сами, а по вызову судебной власти, и в этом отношении я постараюсь устранить от вас такое несправедливое обвинение, даже теперь не ожидая возможности сделать это в судебных прениях. При старом следственном, дореформенном, порядке свидетелям предлагались вопросные пункты. Применительно к этому я предложу судебному следователю предоставить вам самому записать свое показание по главным пунктам допроса, при чем вы можете начинать каждый пункт ссылкой на предложенный вам вопрос, из чего будет видно, что не вы рассказывали по собственному почину о тех или других обстоятельствах, а были вынуждены к тому категорическою формою предложенных вам вопросов, для которых у следователя имелся уже предварительно собранный материал. С этого показания вы можете получить копию». Этим окончилась наша беседа. Судебный следователь

Марки очень удивился моему предложению, но исполнил мое желание, условившись со мною относительно содержания вопросов. Потом, неоднократно проходя через камеру прокурора судебной палаты, я видел Витте сидящим за одним из столов и пишущим свое показание против каждого из вопросов, предложенных, по временам подходившим к столу, Марки, под необычной наружностью которого билось доброе сердце достойного судебного деятеля.

Показание Витте было дано очень искусно. Ссылаясь на возможность ошибок с своей стороны вследствие суб'ективности своих взглядов, умалчивая о невыгодных или опасных для министра путей сообщения обстоятельствах и всячески выгораживая его, Витте, тем не менее, не мог не указать, хотя и в очень осторожных и уклончивых выражениях, на такие стороны в снаряжении и движении поездов чрезвычайной важности, которые получили огромное значение для выводов экспертизы.

Протокол этого показания, данного 4-го ноября 1888 года, напечатан в I томе обширного следственного производства, которое было доставлено и в министерство путей сообщения.

Я встретил Витте снова в мае 1889 года, едущим после представления государю в Гатчине, уже облаченным в мундир директора тарифного департамента и не мог не заметить неприязненного выражения, с которым он смотрел на меня. Это повторялось и при дальнейших случайных нашихх встречах. Его повидимому беспокоила мысль, что я стану рассказывать о той странной роли, какую он играл в Харькове. Но он безусловно ошибался. Беспокойство по этому поводу особенно ярко проявилось

однажды после обеда у М. Н. Островского—моего старого сослуживца по государственному контролю и председателя общества вспомоществования бывшим московским студентам, в котором я был сначала секретарем, а затем товарищем председателя. Когда Витте сел играть в карты, то некоторые из гостей, отойдя в сторону, пожелали узнать мое мнение об одном из дошедших до сената интересных литературных процессов. Витте издалека явно прислушивался к тому, что я говорил, постоянно бросая на меня беспокойные взгляды и видимо тревожась предположением, что я рассказываю дело о крушении и, быть может, упоминаю и о его допросе. Вскоре, войдя в большую силу, при чем его уверенность в себе выросла в меру его необыкновенных способностей он, конечно, успокоился и, вероятно, позабыл о моем «дружеском совете», данном при следствии. Впрочем, иногда последний повидимому, всплывал в его памяти. Так известный издатель «Zukunft» Максимилиан Гарден, приезжавший в Петербург на несколько дней, рассказывал мне, что был принят Витте с крайней любезностью и почтен весьма откровенным разговором, котрый он и описал в своем журнале. «Долго-ли вы останетесь в Петербурге?»—спросил его Витте при прощании. «Нет, я почти никого здесь не знаю и собираюсь посетить только сенатора Кони, к которому отношусь с большим уважением». При этом лицо Витте внезапно омрачилось и он холодно выпустил из своих пальцев дружески пожимаемую руку талантливого немецкого публициста.

В мемуарах Витте говорится, что за два месяца до крушения в Борках на станции в Фастове Александр III

требовал чрезмерной и рискованной скорости и не пожелал выслушать его об'яснений, при чем он—Витте—громко сказал Посьету, так что государь должен был это слышать: «пусть другие поступают, как знают, а я не согласен подвергать опасности жизнь государя. В конце концов вы сломаете ему шею!» и что воспоминание о «смелом молодце», сказавшем это, вызвало, по словам покойного Вышнеградского, желание государя сделать его директором нового железнодорожного департамента и прочить его на еще более высокое место. Рассказ этот вызывает во мне некоторые воспоминания, тоже относящиеся к делу о крушении 17 октября 1888 года. В двадцатых числах ноября того года, в разгаре следствия, я был вызван из Харькова для личного доклада Александру III о выяснившихся причинах крушения. Характеризуя их и подробно излагая выводы экспертизы относительно скорости, тяжести и длины поезда, я высказал, что пришел к совершенно определенному заключению о крушении, как о результате сплошного неисполнения долга теми лицами, которым была вверена в силу закона и обязательной предусмотрительности безопасность движения поезда, начиная с министра путей сообщения Посьета и барона Шернваля. При этом, указав, что свой долг в этом отношении исполнили лишь Витте и Васильев, я рассказал о тех предупреждениях, которые своевременно были ими сделаны Посьету, но оставлены без надлежащего внимания. Это указание было выслушано Александром III с видимым удовольствием и он в конце моего более чем часового доклада, в присутствии министра юстиции, переспросил меня о том же. На вопрос его, как вообще об'ясняют причину крушения,

я сказал, что правление К. Х. А. железной дороги сваливает всю вину на низших служащих, следуя укоренившемуся обычаю выставлять ответственным лицом несчастного «стрелочника» и, что существует ничем не подтверждаемое предположение о взрыве адской машины, внесенной в поезд, каким то, никому неизвестным поваренком, на что Александр III заметил: «я знаю, что это неверно, хотя Посьету и хочется меня в этом убедить». Наконец, ходит слух, что чрезмерная и опасная скорость поезда вызвана его государя—желанием.—«Я нигде и никому такого желания не высказывал, это тоже не верно»,—сказал Александр III. «Только раз в Закавказье я сказал Посьету: «Почему мы то летим как птица, то ползем как черепаха? Нельзя ли ехать ровнее. Но ни до, ни после этого я ни о каком увеличении скорости не приказывал и в ней не виноват». Эти слова совсем не мирятся с сознательным и несвойственным Александру III умолчанием о таком обстоятельстве в Фастове, которое, при том, не могло быть неизвестно сопровождавшим его лицам и с отношением его, после крушения, к Посьету, уволенному от должности министра.

*
* *

Мне пришлось войти в сношения с Витте в 1898 г. в совершенно новых условиях. В это время его выдающаяся и замечательная государственная деятельность была уже в полном разгаре. Влиятельный министр, пользовавшийся особым доверием Александра III, настоящий государственный человек с широкими горизонтами и сме-

лыми задачами, умевший, по французскому выражению „tailler en plein drap“, Витте возбуждал к себе ревнивую зависть со стороны некоторых из министров, бывших, в сущности, старшими чиновниками своего ведомства. Они услужливо и беспрекословно осуществляли, так называемые „предначертания“ и нередко об'ясняли свои действия ссылками на неопределенные и изменчивые „виды правительства“, которого, в сущности, как единого целого, не существовало, ибо в России в это время действовала, по чьему-то остроумному выражению своеобразная „Magna charta libertatum“, состоявшая в пререканиях отдельных ведомств.

Против Витте не только „пускали шип по змеиному“ в разных светских салонах, считая его „parvenu“, но и выступали в печати и даже в записках на высочайшее имя, различные добровольцы с односторонним и злобным осуждением его политики. Достаточно указать на настойчивый поход, предпринятый против него бывшим профессором военно-медицинской академии Ционом в его французской книге: „Witte et les finances russes“, вышедшей в 1895 году, в брошюре „Куда временщик Витте ведет Россию“—1896 года и в записке: „Как установить в России правовой строй“, поданной правительству в 1904 году, напечатанной заграницей и посвященной памяти Каткова. К такого рода произведениям относилась и брошюра Г. Ф. Крюгера, озаглавленная „Высокочтимым членам государственного совета“, разосланная последним в январе 1899 года, в которой автор, доказывая, что Витте присвоил себе его, Крюгера, идею о введении в России золотой валюты и его мысли об ее реа-

лизации, обвинял его в своеобразном плагиате и излагал содержание прошения, поданного им на имя государя об учреждении „для восстановления истины и его попранной чести“—третейского суда с назначением членами его генерала-ад‘ютанта Рихтера и пишущего эти строки. Такая брошюра была прислана автором из Берлина и мне. Прочитав ее внимательно и не понимая „плагиата идеи“, я ответил ему, что ознакомление с брошюрой убеждает меня в невозможности согласиться с основательностью его притязаний и выразил удивление, что он, будучи мне совершенно неизвестен, указывает на меня,—как на третейского судью, не спросив моего на это согласия. Во избежание каких либо недоразумений, я сообщил об этом Витте, который ответил мне, что Крюгера не знает, никаких записок его никогда не читал и ничего о нем от своих предшественников не слыхал. По удостоверению же его—Витте—сотрудников, записки эти (каких министерство финансов получает массу), ничего собою серьезного не представляют и являются произведением «по меньшей мере маньяка».

*
* *

26 мая 1899 года наступало столетие со дня рождения Пушкина. При академии наук под председательством ее президента, была образована комиссия, в которую входили академики и почетные члены академии, вице-президент академии художеств граф И. И. Толстой, редактор-издатель Нового Времени А. С. Суворин, композиторы Римский-Корсаков и Глазунов, а также государ-

ственный контролер Терентий Филиппов, и член государственного совета Д. М. Сольский и Витте. Взглянув широко на задачу чествования юбилея великого поэта, Витте высказался решительно против сбора на постановку памятника Пушкину в Петербурге (где это крайне неудачно было впоследствии осуществлено в жалком сквере узкой и мрачной Новой улицы, переименованной в Пушкинскую), называя это «подогретым кушаньем» и предложил, неожиданно для всех, восстановить «*Российскую академию*» в память ее бессмертного сочлена. «Это потребует—об'яснил он—ежегодного ассигнования, но я могу ручаться, что государь уважит мой доклад об этом, при чем размер расхода на новое учреждение я считаю возможным определить в тридцать тысяч в год. Такая академия могла бы вместить в себе выдающихся лиц не только из области литературы, но и искусства, т.-е. музыки, живописи, театра». Это предложение, действительно достойное памяти Пушкина, и богатое плодотворными последствиями, вызвало совершенно неожиданные возражения со стороны некоторых представителей литературы и искусства. В то время, когда члены академии загадочно молчали, ничем не выражая сочувствия предложению Витте, Суворин стал говорить, что нельзя будет никогда притти к соглашению, кого из артистов следует выбрать в академики проектируемого учреждения, так как все они разделены на партии и лагери, взаимно друг друга отрицающие и различно смотрящие на задачи искусства, почему их выбор никогда не удовлетворит общественного мнения, а будет односторонним и иметь партийную окраску. С своей стороны гр. И. И. Толстой заявил, что академия

художеств имеет своих почетных членов из художников и архитекторов и вполне компетентна для избрания в это звание, почему новой академии пришлось бы или слепо итти по ее следам, или же становиться с нею в противоречие. Витте отрицательно покачал головой, но ничего не возражал. Сочувствуя вполне его предложению, я стал поддерживать таковое и высказал, что каковы бы ни были разногласия среди артистов и композиторов, нет однако сомнения, что есть имена, которые об‘единили бы собою сочувствие огромного большинства общества. Если бы ко времени открытия новой Академии оставались в живых Глинка, Серов, Рубинштейн и Чайковский, Мочалов и Мартынов, то нет сомнения, что избрание их в академики, знаменуя собою уважение к возвышенным отраслям проявления человеческого духа, было бы встречено общим одобрением и, быть может, залечило бы у них в душе не одну рану, нанесенную «местью врагов и клеветою друзей». Что же касается академии художеств, то она имеет совсем другие задачи, чем предполагаемая Пушкинская академия. Избирая своих почетных членов, она, конечно, награждает их за техническое совершенство их работ, за те шаги вперед в развитии искусства, которые они сделали. Но Пушкинская академия должна бы награждать избранием в свои члены за общественный смысл и нравственное влияние произведений того или другого художника. Поэтому академия художеств поступила в высшей степени несправедливо, избрав в свои почетные члены, например Иордана, который около двадцати лет гравировал медную доску, создав chef d'oeuvre офорта с Рафаэлевского «Преображения».

Но Пушкинской академии имя Иордана не говорило бы ничего, относясь к области узкой специальности, и она должна бы выбрать в академики Верещагина, как выразителя глубоких человеческих идей и наглядного протестанта против ужасов войны, хотя рисунок его и признается строгими техниками неправильным и не совершенным. Витте очень обрадовался моим словам, постоянно кивал головой в знак согласия и когда я кончил, сказал, обращаясь к президенту и показывая на меня: «ваше высочество, я думал именно то, что они говорят».— Тем не менее мы оба провалились и Пушкинская академия была учреждена под названием «Разряда изящной словесности» в своем кургузом виде, обреченная влачить довольно бесцветное существование, при чем ассигнованные на нее средства были обращены на общие нужды старой академии и вновь избранным почетным академикам пришлось чувствовать себя первое время в положении пасынков, к которым относился с безусловным вниманием лишь сердечный и живой Шахматов. Рутинное и узкое отношение Пушкинской комиссии к своей задаче выразилось, между прочим и в том, что она отвергла под предлогом пустейших формальных затруднений, предложение о выдаче в год юбилея Пушкина ученикам средних учебных заведений медалей и аттестатов с его изображением. А надпись на медали «тебя, как первую любовь,—России сердце не забудет», вместо избитой и притом переводной «я памятник себе воздвиг нерукотворный», принятая вначале, была потом отвергнута на том основании, что это слова не Пушкина—и вместо глубоко прочувствованных строк Тютчева на смерть Пушкина появи-

лось «не даром жизнь и лира мне были вверены судьбой», что с полным основанием мог бы сказать о себе не только Пушкин, но и каждый талантливый поэт.

* * *

Вдумываясь в деятельность Витте, как министра путей сообщения, и затем финансов, надо признать, что через нее, красною нитью проходит его представление, как о лучшей форме правления, о неограниченном самодержавии, опирающемся на способных, энергичных и снабженных знанием и долголетним опытом по своей части министров, умеющих выбирать себе наиболее подходящих помощников. До 1905 года этою мыслью проникнуты все его заявления и действия, при чем он не стесняется относительно высших государственных учреждений, обрекая их на чисто служебную роль и решительно обходя их в тех случаях, когда он ожидает с их стороны несогласия со своими проектами. Так провел он, например, пользуясь особым доверием Александра III, денежную реформу, минуя государственный совет и развивая в ее осуществлении чрезвычайную энергию и замечательный талант. Это выразилось, между прочим, и в его действиях по отношению к сенату по возбужденному им делу о беспорядках в Могилевском округе путей сообщения. Рассмотрев следствие, I-й департамент сената не нашел достаточных оснований для предания суду трех обвиняемых: начальника округа Авринского, инженера Мышенкова и начальника хозяйственного отдела Послявского. Осведомясь об этом, ревнивый к своей власти Витте, доложил Алексан-

дру III о неправильном, по его мнению, прекращении дела сенатом и о необходимости предать этих лиц суду. Подробности его словесного доклада мне неизвестны, но надо думать, что он не поскупился на выпады против сената, на который вообще Александр III смотрел косо, повидимому забывая его историческую роль «хранителя законов». По этому докладу последовала резолюция: «так вести дела нельзя,—приказать сенату пересмотреть свое определение»,—чрезвычайно огорчившая министра юстиции Манасеина и благородного, безукоризненного первоприсутствующего первого департамента А. Д. Шумахера, вследствие этого даже заболевшего. Назначено было дополнительное следствие и, с грехом пополам, в другом составе, последовало определение о предании обвиняемых суду кассационного департамента сената с участием сословных представителей. Дело слушалось с 27 ноября по 4 декабря 1896 года, причем от некоторых обвинений товарищ обер-прокурора отказался, а суд нашел возможным ограничиться лишь денежным взысканием с Авринского и Пославского; дело же по обвинению Мышенкова—человека, по собранным сведениям, вполне честного и преданного своему делу,—оправдательный приговор о котором являлся несомненным,—было прекращено, так как в ночь по окончании судебного следствия перед прениями сторон, он от нравственных потрясений скончался.

Излюбленный идеал Витте—самодержавие, опирающееся на умелую и искусно подобранную бюрократию, был несовместим, по его мнению не только с представительными учреждениями или выборными для участия в зако-

нодательных вопросах сведущими людьми, как то в 1881 году проектировал гр. Лорис-Меликов, но даже и с земскими учреждениями вне круга их узкой и притом постоянно ограничиваемой деятельности. Это с особенной яркостью выразилось в его конфиденциальной записке 1899 года и в полемике с министром внутренних дел Горемыкиным, находившим полезным введение земских учреждений в Западном Крае, против чего возражал Витте, считая их там совершенно неприменимыми. По существу вопроса в записке доказывалось, что земство не соответствует нашему самодержавному строю с неизбежным при нем бюрократическим центром. Правильное и последовательное всесословное представительство в делах местного управления—говорилось в записке—неизбежно приведет к народному представительству в сфере управления центрального, а затем и к участию народа в законодательстве и в верховном управлении. Исповедуя убеждение, что конституция вообще «великая ложь нашего времени», Витте находил, что к России, при ее разноязычности и разноплеменности она неприменима без разложения государственного строя и управления, почему не только дальнейшего расширения деятельности земству давать нельзя, но надо провести для него демаркационную линию, не позволяя ни под каким видом переступать ее.

Он несколько отступил от своего взгляда лишь в конце своей министерской деятельности, созвав известное совещание о нуждах сельско-хозяйственной промышленности, но тут ему самому пришлось испытать свойства излюбленной им системы верховного управления. Совещание было неожиданно закрыто, все его работы погребены

в архиве министерства внутренних дел, а выдающиеся члены совещания из приглашенных местных деятелей подверглись гонению со стороны министра внутренних дел Плеве. Ему пришлось испытать эти свойства и по роковому вопросу о территории, по которой проходила Восточно-Китайская дорога. Тогда,—судя по мемуарам Витте,—пронырливые предприниматели и близоруко самоуверенные люди, в лице статс-секретаря Безобразова и адмирала Абазы, а также их союзники, пользуясь упорной недальновидностью военного министра Куропаткина, сумели так повлиять на главу государства, что все проникнутые глубоким государственным смыслом предостережения Витте против бессрочной оккупации Манджурии, во вред правам Китая и насущным интересам Японии, были оставлены втуне. Он сам наглядно убедился в том, куда иногда ведет страну бесконтрольное и безответственное личное усмотрение и вынужден был оставить министерство финансов, в котором он так много и плодотворно работал в течение одиннадцати лет.

*
* *

Я встретил Витте в июне 1903 года, проживая в Сестрорецком курорте. Он приехал верхом и ходил, то ускоряя, то замедляя шаг, по длинной крытой галлерее близ морского берега, досадливо и с явным невниманием слушая какие-то об'яснения старшего врача курорта. Я едва узнал в этом согнувшемся, мешковатом, с потухшим взором и тревожным лицом, человеке самоуверенную и энергичную фигуру министра финансов. Он любезно по-

шел мне навстречу, задержал мою руку в своей и стал меня расспрашивать о том, как мне живется в курорте. Я видел; что это лишь машинальные фразы, что он даже не слушает моих ответов и что он, «оглушенный шумом внутренней тревоги», среди злобного торжества многочисленных врагов, радуется встрече с человеком, который не учинил ему никакой неприятности.

Я понял, что над ним повисла грозовая туча. Через месяц, в Киссингене, я узнал, что она разразилась. С ним случилась не только внешняя, но и внутренняя трагедия. Из самого влиятельного министра с широкой творческой деятельностью он сделался в августе того же года председателем комитета министров, т. е. декоративным манекеном, про которого даже нельзя было сказать, что он primus inter pares, так как такой председатель даже не имел определенных докладов у государя и должен был отыскивать и изобретать случаи, чтобы попасть в «поле августейшего зрения». Душевная драма состояла в том, что имея громадное влияние на ход внутренней жизни России, вызвав в ней сильное развитие промышленности, введя и упрочив переход железнодорожного дела в руки государства, учредив ряд высших технических училищ,—коренным образом повлияв на экономический строй страны и поставив на твердую почву наш бюджет и денежное обращение, он не нашел в себе решимости воспользоваться случаем остаться в истории личностью с определенными и вызывающими уважение—даже со стороны противников—очертаниями. Будучи в то время, по приемам и горизонтам, единственным действительно государственным человеком, в бесцветное и роковое царство-

вание, он дал возможность многим недругам указывать на него, как на простого чиновника—карьериста, готового на уступки для сохранения сомнительного блеска фиктивной власти. Между тем, еще за полгода до своего падения он имел возможность привлечь на свою сторону многих порядочных людей и создать себе достойное положение, даже без особых жертв. Таким шагом была-бы твердая постановка министерского вопроса после того, как Плеве стал бесстыдно и безответственно ссылать выдающихся земских деятелей за откровенные мнения, вызванные запросами сельско-хозяйственного совещания, созванного по почину Витте. Решительный протест против устройства под его именем такой западни мог бы, конечно, ему стоить его портфеля, но это был бы прекрасный пример и быть может целительный урок самодержцу, а некоторое состояние и финансовые способности вполне обеспечивали бы его материально, даже если бы ему и пришлось выйти «в чистую».

Судьба держала его в тени, однако, не долго. Безумно вызванная война в надежде совершить короткую победоносную военную прогулку в Токио, чтобы проучить зазнавшихся *макаков-япошек*, оказалась рядом поражений русских, по выражению известного Драгомирова, *кое-каков*, вызвав во всех слоях страны сильное брожение и справедливое недовольство, вскоре принявшее гневный лик наступающей революции.

Сознававшему важность переживаемого времени, Витте снова пришлось выступить в ответственной роли и быть вдохновителем именного указа 12 декабря 1904 г. и проводителем вложенного в него обновления и улуч-

шения наших законов по всем важнейшим отраслям управления и общественного быта. Журналы заседаний комитета министров останутся памятником последней и широкой попытки видоизменить бюрократическое законодательство, не нарушая ни в чем прав верховной самодержавной власти. Еще за немного лет перед тем, некоторые из постановлений комитета были бы приветствуемы, как струя свежего воздуха в спертой атмосфере боязливой рутины, как несомненный просвет в лучшее будущее. Витте впоследствии мог со справедливой гордостью указывать на провозглашение в манифесте 17 апреля 1905 года, явившемся развитием указа 1904 года, начала свободы совести, независимой от узкой веротерпимости. Но уже было поздно..... События назревали быстро, расширяя круг и об'ем желаний, переходивших в определенные требования. Между тем, война с Японией приходила к бесславному концу среди внутренней смуты и надо было настойчиво и тревожно помышлять о мире. С поручением вести о нем переговоры в Портсмуте, за отказом от этой задачи, под разными предлогами, двух лиц, пришлось, скрепя сердце, обратиться к Витте. Искусное ведение переговоров и самая повадка Витте в новой для него обстановке освободили Россию от уплаты еще небывалой в ее истории контрибуции и дали ей возможность расплатиться за свою вредную предприимчивость лишь частью Сахалина. Достижение мира на таких условиях составляет огромную историческую заслугу Витте. За ней последовала и другая, а именно энергическое и тщательное содействие заключению внешнего займа 1906 года, спасшее тогдаш-

нее финансовое положение России, обессиленной войной и нуждавшейся в покрытии чрезвычайных расходов, превышавших рессурсы и поглотивших оставленную Витте в 1905 году свободную наличность более чем на 380 миллионов золотом. Вернувшись на родину, он застал крайнее развитие революционных выступлений, давшее ему понять, что ничем, кроме считаемых панацеей представительных учреждений, хотя бы и с укороченными правами, предупредить грозящий государству развал нельзя, и что необходимо отвести излюбленной им бюрократии подчиненную роль в исполнении указаний представителей общественного мнения и ясно понятых потребностей страны. Это было неразрывно связано с существенным уменьшением размаха самодержавной воли, пред которой так преклонялся Витте,—и он,—самовластный сам и поклонник самовластия,—пошел и на это, приложив свою руку к выработке манифеста 17 октября и сопровождавших его правительственных об'яснений. Его пребывание в звании председателя нового совета министров было сопряжено с чрезвычайными затруднениями в выборе подходящих людей и с большими ошибками в некоторых из избранных.

В конце своей активной деятельности в законодательстве он оставался неизменно верен своему культу самодержавия и старался, не смотря на свое участие в коренной реформе государственного строя 17 октября 1905 года—оградить в чем возможно прежнюю власть монарха. Так например, при обсуждении основных законов уже в 1906 году в царскосельском совещании он настаивал на предоставлении монарху права увольнять

всех должностных лиц без исключения и указывал при этом на опасность несменяемости судей, несмотря на возражения Сабурова и горячий протест бывшего министра юстиции, графа Палена. Он находил также, что статья 29 проекта основных законов, в силу коей частная переписка не подлежит задержанию и вскрытию без разрешения на то суда,—должна подвергнуться исключению «так как без этого обойтись нельзя»...

Государственную думу открыл уже не он, а деятель гораздо более мелкого калибра, Горемыкин.

*
* *

В январе 1907 года я был назначен членом государственного совета и вслед затем вынужден был уехать за границу, в виду крайне расстроенного состояния здоровья. Вернувшись летом, я застал деятельность г. совета и государственной думы второго призыва приостановленными до осени и поэтому мог сделать обычные оффициальные визиты моим новым сослуживцам лишь в начале ноября. Из кратких разговоров с теми из них, кого я заставал дома, я увидел, что у многих по отношению к Витте существовало недоверчивое отчуждение, а некоторые даже питали к нему прямо ненависть, не останавливаясь перед самыми неправдоподобными вымыслами. Это были, в большинстве, так называемые, *правые* и принадлежавшие к тому крылу центра, которое к ним в значительной степени примыкало. По их мнению Витте был губитель России, овладевший 17 октября 1905 года слабовольным и малодушным монархом,

испуганным революцией. Левый центр и академическая группа, за небольшими исключениями, в числе коих был М. М. Ковалевский, относилась к нему сдержанно и без доверия. Чувствовалось, что в г. совете он совершенно одинок и это подтверждалось тем, что он не вступил ни в одну из групп совета. Узнав, что он еще не приехал из-за границы, я не хотел ограничиться оставлением карточки у его швейцара и тем дать ему повод думать, что я пользуюсь случаем избегнуть свидания с опальным сочленом—и решил ждать его возвращения.

Я застал его в очень тревожном настроении, вследствие сильного нездоровья его супруги. Тем не менее, он пригласил меня посидеть и стал изливаться в жалобах на окружавшую его вражду, проникающую во все классы общества и выражающуюся даже в постоянных ругательных анонимных письмах, задевающих его, как деятеля, человека и даже семьянина. «Никто не хочет понять—сказал он,—что, настаивая на манифесте 17 октября, я—убежденный поклонник самодержавия, как лучшей формы правления для России—поступился моими симпатиями во имя спасения родины от анархии и династии от гибели. Представителям последней я бросил средь бушующего моря «спасательный поплавок», за который им и пришлось ухватиться. Если данные обещания будут исполнены, то дальнейшее мирное развитие России обеспечено, тем более, что влияние Победоносцева, вечно возбуждавшего сомнения и страхи, за смертью его, должно прекратиться и итти назад уже будет невозможно. В какую группу вы вступили»?—

«Ни в какую,—отвечал я,—хотя каждая мне предлагала войти именно в нее. Между правыми есть несколько человек, искренности которых я не могу отказать в уважении, но программа этой группы, или вернее партии, для меня совершенно не приемлема. Это—люди сидящие на задней площадке последнего вагона в поезде и любовно смотрящие на уходящие вдаль рельсы, в надежде вернуться по ним назад в то время, как, увлекаемые силой паровоза, они всетаки едут вперед, но только задом. Что касается левых, то очень многое в их программе мне по душе, но всецело ее разделить я не могу, хотя по большинству вопросов наверно буду вотировать с ними. Группа центра, представляющая собою в численном отношении наибольшую силу, дважды чрез своего председателя П. Н. Трубецкого призывала меня в свои ряды и он даже грозил мне, что благодаря моей обструкции, я не буду избран ни в одну из комиссий совета. Привыкнув в моей многолетней судебной деятельности руководствоваться исключительно голосом совести и пониманием закона, как долженствующего быть выразителем общественных потребностей, я не могу подчиняться директивам большинства партии, принятым на предварительных совещаниях без audiatur et altera pars в заседании общего собрания совета. Останусь внепартийным».—Как и я—сказал Витте. В течение следующих лет этому примеру понемногу стали следовать некоторые члены совета и к 1910 году образовалась группа «беспартийного об'единения», предоставлявшая полную свободу своим членам, которые лишь в случае единогласного вывода по тому или другому вопросу, намечали

из своей среды лицо для выяснения своего взгляда при обсуждении вопроса в общем собрании. Таким образом эта группа, бросала на весы не лишенное значения число голосов. При окончательном образовании этой группы в конце 1911 года пришлось убедиться, насколько даже и в ней было распространено недружелюбное отношение к Витте. Мое предложение пригласить его вступить в нашу группу встретило ряд возражений, в особенности энергичных со стороны князя Андрея Ливена, пред тем вынужденного оставить партию правых за выраженное им сочувствие Финляндии по поводу печального проекта об общеимперском для нее законодательстве. К нему присоединился бывший государственный секретарь барон Икскуль и еще один сановник, сказавший даже, что вступление Витте в группу будет «tres mal vu en haut lieu».

До начала 1914 года Витте довольно часто выступал в государственном совете. Когда его грузная и вместе длинная, довольно неуклюжая фигура появлялась на трибуне, некоторые из *правых* иногда демонстративно оставляли зал заседаний. Но все остальные слушали его внимательно. Он говорил хуже, чем писал, довольно длинно и с частыми повторениями, не всегда соблюдая последовательность и ища повода так или иначе коснуться своей работы, как министра и как государственного деятеля в период пред осуществлением манифеста 17 октября. Он говорил с интонациями и ударениями, свойственными населению Юга России, приводил остроумные афоризмы,— иногда путал цитаты, которые любил употреблять, приписав однажды Шекспиру слова Шиллера, а Данту фран-

цузскую поговорку. В его речи часто звучала тонкая ирония и нередко прорывалось негодование. Я помню, что Зверев, защищавший проект учреждения статистического университета часто употреблял выражение «ученый статистик». Витте спросил его: «что значит ученый статистик»?—«Это технический термин»,—ответил Зверев.—«Если ученый только технический термин—иронически сказал Витте,—то вы правы». Сильно критикуя бюджетную работу одного из своих преемников, он «преклонился пред его заслугами за то, что—если он ничего особого не сделал, то все-таки сохранил то, что получил».

При обсуждении законопроекта об Амурской железной дороге некоторые ораторы упрекали Витте в космополитизме. Кончая свою речь, он приостановился и очень повысив голос, сказал: «к огорчению очень многих я заявляю, что все растущая волна их клевет и инсинуаций против меня никогда не превзойдет об'ема моего к ним равнодушного презрения». Иногда его ирония сказывалась даже в тоне его голоса, в котором некоторая приподнятость и даже торжественность сменялась насмешливой скороговоркой. При каждом удобном случае он подчеркивал свое высокое уважение к памяти «величайшего из монархов и богатыря русского духа Александра III»—быть министром у которого он считал для себя высочайшим счастьем,—но если приходилось при этом упомянуть о Николае II, то он скороговоркой и заметно понизив тон говорил: „и царствующий ныне благочестивейший монарх“. Контраст в его представлении об обоих выступал довольно явно. Вообще он производил впечатление человека, не стесняющегося резко и

определенно высказывать свою мысль, без словесных компромиссов и приспособлений. Иногда он не щадил и самого себя, сознаваясь, например, что в первые годы своего управления министерством финансов он действовал довольно робко и с оглядкой на своих предшественников. Так он признался, что когда проект об обеспечении рабочих от увечий и несчастных случаев, прошедший благополучно в департаментах старого государственного совета, встретил в общем собрании оппозицию меньшинства, руководимую Победоносцевым, он, по своей малоопытности, не нашел в себе мужества до конца защищать свой проект и выслушав указание, что предлагаемый законопроект социалистический, взял его обратно с целью переделать или положить под сукно. Этого—по его словам малодушного поступка однако не одобрил Александр III, нашедший, что Витте следовало настаивать на своем, при чем заметил, что многие государственные деятели, его окружающие обладают большим талантом критики, но малым талантом созидания... Когда гр. Витте нужно было заглядывать в свои заметки он надевал очки, но по миновании надобности, не снимал их, а поднимал на свой высокий обнаженный лоб, что придавало ему довольно оригинальный вид. Сказав свою речь, он часто уезжал, дождавшись ближайшего перерыва, и мне ни разу не пришлось его видеть принимающим участие в общем чаепитии. Председатель государственного совета Акимов относился к нему с тревожным беспокойством, постоянно опасаясь, что он «переступит за постромки». Грубый охранитель внешнего порядка и односторонний рачитель о „пристойности“ в прениях, он не

раз обрывал гр. Витте резкими замечаниями и воспрещением распространяться на ту или другую тему, на что гр. Витте всегда, не без яда, отвечал смиренным тоном: „слушаюсь“! Ему особенно тяжело жилось два последних года. В перерывы заседаний он ходил по аванзале большими шагами, тяжело ступая, с довольно мрачным выражением лица, неохотно отвечая на вопросы редких собеседников и спеша от них отделаться. Видно было, что в этой кипучей натуре, лишенной возможности проявлять себя не в слове, а в деле, жило „роптание вечное души“. В особенности в последнее время, когда началась „чехарда“ министров, причем назначение некоторых из них не находило себе никакого разумного об‘яснения, было больно видеть могучего обладателя и знания и умения, лишенного творческой деятельности, которая капризно отдавалась в удел людям неподготовленным, близоруким и недоумевающим „à quoi s’en tenir“. Со стороны казалось, что это своего рода Гуливер, связанный по рукам и ногам в царстве лилипутов.

*
* *

Обращаясь к воспоминаниям об отдельных выступлениях Витте в нашей бывшей верхней палате и сопоставляя свои личные записи с отчетами о заседаниях, я не могу не отдать справедливости широкому пониманию им задач этого учреждения в связи с правильным и истинно-государственным освещением многих, но, к сожалению, не всех вопросов, подлежавших его разрешению. Он понимал деятельность совета, как вполне само-

стоятельную и совершенно независимую от того, согласно или не согласно правительство с принятым думою законопроектом. „Каждое дело—говорил он—должно разрешаться принципиально, что делал и старый государственный совет, каков бы он ни был“. Всегда предпочитая законодательное решение вопроса во всех его подробностях, Витте возражал против предоставления административной власти широкого права регулировать эти подробности. Он стоял и за необходимость выслушивать при каждой реформе мнение заинтересованных лиц и возражал против привычки проводить ее путем чисто бюрократической работы, на том будто бы основании, что бюрократия (основательно упрекаемая в нередко совершенной отчужденности от настоящей действительности) лучше знает все, в том числе и Россию. Он настойчиво указывал на бесплодность или медлительность работы излюбленных у нас комиссий по каждому вопросу и на то, что достоинству высшего законодательного учреждения неприличествует заменять решительные *постановления* благодушными *пожеланиями*. Каждый, кто по своей службе имел своеобразное несчастье быть членом таких комиссий прежнего времени, конечно, не мог не согласиться с его взглядами. Обширные журналы заседаний, знаменующие большую и напрасную потерю времени, сопровождаемую иногда печатанием дорого стоющих томов «Трудов», мирно почивающих затем в могильной глубине архивов «до радостного утра», которое никогда не наступало, и пестрый состав членов, без надлежащей подготовки, без интереса к делу и любви к нему, вынуждающий немногих „Чацких“ бесплодно убеждать многочисленных «Мол-

чалиных»—таковы были свойства и результаты большинства этих комиссий, к выводам которых, в качестве материалов, обыкновенно впоследствии не обращались. При обсуждении законопроектов, связанных с расходами, при чем многими указывалась необходимость параллельности этого увеличения по всем ведомствам и невозможность отдавать предпочтение какому-нибудь из них, Витте настойчиво указывал на особые государственные потребности, не подчиняющиеся такому взгляду. К таким потребностям он относил развитие грамотности. Сравнивая русский народ, в отношении знаний, приобретаемых грамотностью, с народами Западной Европы, а также Китая и Японии и с нашими инородцами, он высказывал уверенность, что под влиянием этого сравнения русский национальный вопрос должен получить совсем другое освещение. «Дайте русскому народу—говорил он—своею кровью приобревшему окраины и своим потом их долго содержавшему и потому неимеющему надлежащих средств для своего книжного учения, потратить, наконец, гроши на свою грамотность». В своем желании увеличения числа народных школ гр. Витте настаивал на специальных ассигнованиях—на подвергавшиеся сильной и справедливой критике—церковно-приходские школы, не раз в своих речах указывая на «великие заслуги православной церкви в деле просвещения народа» и называя отказ в поддержке ее в дальнейшей заботе об этом *«вандализмом XIX—XX века»*. К вероисповедным вопросам он относился с широкой терпимостью и горячо защищал указы 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г., давшие гонимому дотоле старообрядчеству вздохнуть сво-

бодно в своих, наконец, распечатанных храмах. При обсуждении ограничений, которые предлагались по отношению к льготам, данным этими указами, он отрицал, вызвав двукратное замечание председателя Акимова, всякое на это право и у правительства и у законодательных учреждений. Он сильно критиковал при этом и все подробности проекта—урезки этих указов, приводя в блестящих и остроумных примерах возможные нелепости в практическом применении этих урезок и при этом, попутно, предлагал допустить наравне с мужчинами и женщин в члены старообрядческих общин. К сожалению, он не отнесся с той же широтой к вопросу об уничтожении тягостных стеснений—своего рода capitis diminutio media—для лиц духовного звания, слагающих свой сан и вследствие этого жестоко ограничиваемых в избрании места своего жительства и деятельности и никогда не допускаемых на государственную службу. Нижняя палата постановила отменить все эти меры, как представляющие наказание за то, что, однако, делается с разрешения высшего духовного начальства. Комиссия верхней палаты, после долгих совещаний признала возможным лишь уменьшить размер этих ограничений, против чего я возражал в Общем собрании, находя, что надо решить вопрос принципиально, доказывая необходимость отмены каких-бы то ни было ограничений и приведя примеры мучительного житейского положения, в которое ставится желающий сложить с себя сан вследствие болезни, вдовства или утраты веры. В числе разных оппонентов, считавших, что такой вопрос вовсе не подлежит рассмотрению палат, а всецело должен быть

разрешен синодом или собором и что «давший клятву служить богу» священник уже не имеет прав уходить в общегражданскую жизнь и потому предлагавших вовсе отклонить этот законопроект, неожиданно выступил гр. Витте. Ссылаясь на то, что за десять лет в России всего семьсот случаев добровольного сложения священниками с себя сана, тогда как существуют миллионы людей, ограниченных в своих правах и есть целые национальности, которым возбранена государственная и общественная служба, он назвал обсуждаемый закон не *законом, а закончиком*, относящимся к области «вермишели»—и характеризуя себя, как «чиновника» и «ординарного члена совета», предложил признать отмену существующего порядка преждевременной.

Не мирясь с неожиданной теорией «законов» и «закончиков», которая перенесенная, например, в судебную область могла-бы вызвать пагубную теорию о разном отношении к «делам и делишкам», я возражал против предложения признания шаткой и произвольной несвоевременности, делаемого вовсе не «ординарным членом совета», а государственным человеком, оставившим свое имя в русской жизни. На этом я был резко остановлен председателем Акимовым, предложившим не говорить о личностях, так как разбирать вопрос о том, какое значение *придает себе Витте*, представляется по меньшей мере неуместным. Эта остановка была характерна, как вспышка враждебного отношения к Витте, упоминание о заслугах которого многим и в том числе Акимову, резало ухо, тогда как неоднократные заявления разных ораторов о чрезвычайных заслугах нашего

достойного сочлена П. П. Семенова-Тяньшанского не сопровождались никакими выходками Акимова.

Надо заметить, что властный и влиятельный государственный деятель и искусный дипломат, оказавший родине, в годину позора и унижения, великую услугу—Витте любил подчеркнуть свое «опальное» положение и вынужденное пребывание не у дел в смысле творческой деятельности, говоря: «я совершенно в стороне и совершенно не ответственен ни за что».

Иногда к речам Витте могла применяться поговорка: бочка меду и ложка дегтю. *Бочку* представляла самостоятельная, богатая знанием жизни, логикою и нередко остроумием разработка вопросов, — *ложку* — приведение совершенно ошибочных и мало ему известных данных. Особенно часто последнее случалось по вопросам юридического свойства. Достаточно, в этом отношении, указать на то, что Витте при обсуждении вопроса о больничных кассах для рабочих, говоря с теплым участием о фабричных рабочих, обездоленных сравнительно с сельско-хозяйственным людом в смысле пользования чистым воздухом и солнцем, в конце прений неожиданно присоединился к требованию *правых* о недопущении в советы больничных касс людей, о которых производится политическое дознание. Несмотря на раз'яснения сведущих лиц о громадной разнице между такими дознаниями, производимыми чинами жандармского корпуса и оканчиваемыми почти в 90% без доведения их до суда, с принятием административных мер—и следствиями, производимыми судебными следователями с соблюдением гарантий, указанных в судебных уставах и подлежащих про-

верке суда—он никак не мог усвоить себе эту разницу, утверждая, что это одно и то-же. Точно так же, выступая против допущений в университеты молодых людей, окончивших курс не только в наших псевдо-классических гимназиях, но и в других средних учебных заведениях—Витте упорно утверждал, что наши университеты и без того переполнены и что покуда не будет найдено средство открыть новые, нельзя увеличивать наплыв студентов. Поэтому, прежде чем, как он выразился, «решать вопрос с хвоста» и «писать бумажный закон, не зная, как его осуществить», надо озаботиться о расширении помещений Университетов и о под'еме профессорского состава, который находится, в сравнении с былыми годами, в научном упадке. Ему решительно возразил Максим Ковалевский, приведя настоящие цифры о пустующих факультетах провинциальных университетов и о громких европейски известных, именах, в это время украшавших некоторые из кафедр.

Блистательны по содержанию были его речи по специально финансовым вопросам. Я до сих пор с особым удовольствием вспоминаю его выступление при рассмотрении в 1910 году бездефицитного бюджета. Откровенное изображение им принесенных Россиею бесплодных жертв во время Китайской и Японской войн, бедственного окончания последней и опасностей, грозящих родине в будущем, сопровождалось глубоко-назидательной исторической справкой о веденных нами в XIX веке в течении 67 лет завоевательных войнах, расширивших территорию империи почти на 90 тысяч квадратных миль и потребовавших крайнего напряжения материальных сил страны. Эти речи он говорил со спокой-

ствием обширного и глубокого знания того дела, о котором шли прения, и с чувством несомненной любви к родине, иногда с под‘емом в некоторых местах, но без раздражения и колкой иронии.

Не таким характером бывали подчас проникнуты его выступления по некоторым другим вопросам, причем в них сквозило плохо прикрытое личное неприязненное чувство, несмотря на то, что он сам однажды предостерегал от «водворения атмосферы страстей при обсуждении дел». Таковы были его возражения, уклончивые по содержанию, но резкие по форме, против возникших по почину или при поддержке П. А. Столыпина законопроектов. Это сказалось особо заметным образом при обсуждении выработанного последним, так называемого «аграрного закона», т.-е. проекта землеустройства—и по вопросу о штатах морского генерального штаба. В 1907 г. морской министр вошел в государстренную думу с представлением об ассигновании 61 тысячи в год для учреждения и содержания этого штаба, которое и было уважено думой в 1908 году. Но когда дело дошло до государственного совета, то в его летнем заседании, при поддержке сплотившихся правых выступил бывший государственный контролер Шванебах, утверждавший, что рассмотрение в законодательном порядке вопросов, касающихся морского и военного ведомства, составляет нарушение верховных прав монарха. Совет, большинством голосов, с ним согласился. В виду неотложной необходимости начать деятельность проектированного генерального штаба морской министр в ближайшую осеннюю сессию г. думы снова, без сомнения по соглашению с

премьером и с ведома государя, вошел с прежним ходатайством, снова уваженным г. думою. Но в заседании государственного совета с протестами против «нетерпимого вмешательства» думы в осуществлении прав «державного вождя русской армии и флота» выступили П. Н. Дурново и присоединившийся к нему Витте, нашедшие, что правительство, имея в своем безотчетном распоряжении на исключительные расходы десять миллионов рублей, может дать на морской генеральный штаб необходимую сумму, не нарушая прерогатив государя. Однако, на этот раз совет, выслушав горячую речь Столыпина, согласился с думой. Высочайшего утверждения этого постановления, к удивлению многих, *не последовало,* несмотря на то, что обе палаты были на этот раз, в полном согласии с правительством. И Столыпин, вторично и очень горячо защищавший решение думы в заседании совета, здесь впал в ту-же ошибку, как в свое время и Витте, не признав такой неожиданный исход несовместимым с достоинством главы правительства и не оставив свой пост.

Много речей посвятил Витте страстной защите казенной продажи питей практическое осуществление которой, чрезвычайно увеличив доход казны, однако не достигло той цели, которую, по его словам, имела эта реформа, предпринятая исключительно для борьбы с неумеренным употреблением народом водки с вредными примесями. В его доводы входили частые указания на то, что винная монополия, возможная лишь при самодержавном строе, сама по себе есть величайшее благо и одна из благодетельнейших реформ, «мудрого и великого духом

блаженной памяти Александра III,—на которую страны Европы смотрят не без зависти и которую ничто, кроме *стихийной силы*, не может уничтожить». Увеличение пьянства он об'яснял, между прочим, отменою выкупных платежей, ссылаясь на то, что при нашей общественной жизни подати с масс, если не поступают чрез одно отверстие, то проходят через другое. Резко критикуя некоторые возражения министра финансов Коковцева по поводу упрека в „выкачивании денег из народного кармана", Витте, с одной стороны, утверждал, что бездефицитный бюджет возможен лишь при казенной продаже питей, несмотря на необходимость громадных расходов на военную и морскую обороны страны, а с другой—предлагал в 1914 г. «для ослабления соблазнов Мефистофеля», фиксирования на будущее время питейного дохода в сумме семисот миллионов в год, пополняя недостаток доходов налогами и государственными займами. Отдавая справедливость энергии Витте в узаконении, упрочении и защите им своего замечательного организованного финансового детища, приходится, однако, признать, что детище это совершенно не оправдало возлагаемых на него надежд. *Винополия*, как называл народ казенную продажу питей, очень увеличила питейный доход, но и пьянство развилось чрезвычайно. Со времени введения монополии в 1894 году в течении двадцати лет население России увеличилось на 20%, а доход этот возрос на 133%. Уже в 1906 году население России пропивало *ежедневно* два миллиона рублей и еще в 1902 году в полицейские *камеры для вытрезвления* в Петербурге, при населении в миллион двести тысяч, было принято пятьдесят три

тысячи человек, т. е, один на двадцать три обывателя, тогда как в том же году в Берлине при населении в два миллиона принято шесть тысяч человек, т. е. один на триста двадцать обывателей. Казенная лавка с точки зрения отрезвления населения не исполнила своей главной обязанности; не упразднила старого питейного дома с его вредными аттрибутами—с продажей вина в долг и с допущением к распитию малолетних и пьяных, покуда последние еще могут держаться на ногах. Этот питейный дом только из явного стал тайным, т. е. более опасным. Трудно даже сказать, какое впечатление было тяжелее: от старого грязного кабака, давно осужденного нравственным сознанием народа и терпимого, как неизбежное зло, или от благообразной и горделивой своей чистотою винной лавки, у дверей которой в начале рабочего дня нетерпеливо толпились изможденные поставщики питейного дохода, выпивая свои „мерзавчики“ на пустой желудок. Казенная лавка, понятно, не могла допустить распития водки в своих стенах, но это распитие переносилось на ближайшее укромное место улицы или в семью, захватывая собою даже и малолетних. Борьба с пьянством осталась лишь на бумаге вследствие апатичного отношения к этой борьбе чинов питейного ведомства, частой заинтересованности низших органов местной полицейской власти, бытовых неудобств, связанных с обличением злоупотреблений со стороны частных лиц и, наконец, по отсутствию материально потерпевшей стороны, так как казна, при существовании тайной перепродажи никакого ущерба в питейном доходе не испытывала. Кроме того финансовое ведомство очень слабо и повидимому неохотно поддерживало

местное население, когда оно, испытав на себе вредное влияние «винополии» решалось само постановлять в сельских обществах приговоры о закрытии казенных винных лавок. В первые десять лет казенной продажи было удовлетворено менее одной трети таких ходатайств. Даже и ходатайства *попечительств о народной трезвости* *постигла* та же участь и в том же размере. Наконец, медлительность нашей законодательной деятельности в значительной степени мешала успешности такой борьбы. Достаточно указать в этом отношении хотя бы на почтенную и большую работу *комиссии по борьбе с алкоголизмом* при обществе охранения народного здравия.

В конце девяностых годов в ней был возбужден вопрос о мерах против *привычных пьяниц*, вносящих разложение и гибель в свою семью —и были выработаны, при участии юристов и психиатров, правила об учреждении над такими пьяницами опек. Но до самого прекращения деятельности наших представительных учреждений по этому предмету, в виде закона, не было ничего сделано и привычные пьяницы продолжали и вероятно продолжают до сих пор отравляться разрушительными суррогатами водки и отравлять существование окружающих. По укоренившемуся у нас обычаю, на который я указывал выше, вследствие желания «об‘ять необ‘ятное», проект установления опеки над привычными пьяницами был отложен до рассмотрения устава об опеках вообще. Проект же этого устава не рассмотрен потому, что он связан с обсуждением нового гражданского уложения, а это уложение, сложное и обширное, не оказалось решимости рассмотреть и утвердить до самого наступления революции.

Выступал Витте и на защиту *попечительства о народной трезвости*, при чем на эти учреждения наибольшее ассигнование составляло, на всю Россию кроме Петербурга, четыре миллиона пятьсот тысяч в год, при питейном доходе в семьсот миллионов в год. Горячая критика организации и деятельность попечительств со стороны покойного Череванского была встречена в верхней палате общим сочувствием. Он и его союзники доказали всю несостоятельность работы попечительств, которая, в сущности, свелась к чрезвычайному развитию псевдо-народных развлечений преимущественно в виде представлений сомнительного свойства до такой степени, что, например, учебное начальство должно было воспретить воспитанникам средне-учебных заведений посещение Петербургского народного дома попечительства о народной трезвости. При защите «винополии» и связанных с нею попечительств Витте прибегал даже к весьма шатким доводам. Таково было утверждение им в 1914 году, что четверть старых кабаков непременно была бы причастна к „нашей позорнейшей из всех доселе бывших революций“ (1904—1905 г. г.) в виде места тайных собраний и хранения бомб, браунингов и т. п., тогда как, казенные винные лавки были в этом отношении безупречны. Таковы были также ссылки на слова Победоносцева, пред памятью которого Витте „естественно желал преклониться“, о его готовности несколько примириться с питейной монополией, если благодаря связанным с нею попечительствам, одно из которых в Пермской губернии стало обучать местных крестьян церковному пению—«в конце концов Россия в церквах запоет».

Горделивая уверенность Витте в непоколебимости казенно-питейной монополии через полгода после произнесения им, в январе 1914 года, последней речи по этому предмету была неожиданно и решительно опровергнута. Казенная продажа питей была даже не «стихийной силой», а особым указом безусловно уничтожена с выражением порицания бесплодности ее существования для борьбы с разлившейся по России широкою волною пьянства. К сожалению, на ряду с этим не было однако предпринято никаких решительных и практически-обдуманных мер для предупреждения и борьбы с неминуемым возникновением среди привыкшего к пьянству населения тайного изделия суррогатов водки. Вошли в пагубное употребление денатурат, политура, самогонка и т. п. с прибавкой серной и уксусной кислот, настоя мухоморов, нюхательного табаку и древесного спирта, вызывающего потерю зрения. Окончательное крушение надежд, возлагаемых на казенную продажу питей, для установления которой гр. Витте потратил так много труда, не могло не отразиться и на его душевном настроении. Он замолк и, сколько мне помнится, ни разу более не выступал в государственном совете.

В верхней палате довольно часто обсуждались и решались вопросы, прямо или косвенно касавшиеся отдельных национальностей, входивших в состав России. Язык, религиозная веротерпимость, школа, гражданское равноправие были в том или другом отношении связаны с отдельными из этих вопросов. Еще в начале девяностых годов Витте определенно высказался по этому предмету, в своей богатой разнообразными данными брошюре *национальная экономия и Фридрих Лист*, второе издание

которой вышло в 1912 году под общим заглавием: *По поводу национализма.* В ней он решительно выступал против «беспочвенного космополитизма и космополитической аберрации проповедуемой людьми, облеченными в тогу попугайской учености», ратуя за *«здоровый национализм»,* осуществленный Бисмарком, в противоположность национализму *болезненному.* Первый он называл убежденным, сильным и потому не пугливым, стремящимся к охране плодов жизни государства, добытых кровью и потом народа и составляющим высшее проявление любви к отечеству;—второй эгоистичным, подчиняющимся страстям и обуреваемым чувством мести. Этот взгляд проводился им в его речах, иногда в довольно общих выражениях, без «точек над и», как, например, в приведенных выше возражениях его по поводу снятия духовного сана. В ряде случаев, заявляя, что общий государственный язык должен сковывать такие государства, которые, подобно России, обратились из русского царства в Российскую империю, он вместе с тем признавал, что государственность не исключает «человечности» и то государство, которое не принимает человечности во внимание—погибает. Этой мыслью проникнут был, согласно с проведенным им еще в комитете министров в 1905 году взглядом, ряд речей о допущении преподавания арифметики на польском языке в первый год обучения, о преподавании закона божия и нескольких предметов, кроме географии и истории, на природном языке учащихся и о разрешении школам, содержимым на частные средства и не дающим никаких прав, обучать по всем предметам на родном языке населения и т. д. К сожалению, он не везде после-

довательно проявлял свой взгляд на необходимость равного удовлетворения справедливых потребностей населения и уважения к дарованным окраинам правам и установленным границам. Так он сочувственно отнесся к урезке территории царства Польского изъятием из нее Холмщины под предлогом более чем сомнительных этнографических и религиозных оснований. Мне пришлось видеть эту непоследовательность в другой и притом исключительной обстановке, одновременно с Витте участвуя в заседаниях *комитета попечительства о домах трудолюбия*, в который я был привлечен, как сотрудник журнала «*Трудовая помощь*». В основу попечительства была положена благая цель, прекрасно обрисованная в брошюре Е. Д. Максимова «Что такое трудовая помощь», но деятельность его, к сожалению, с первых же шагов приняла под руководством ловкого царедворца А. С. Танеева, напоминавшего своей повадкой Гамлетовского Полония, бюрократический характер. В качестве вице-председателя комитета и докладчика он имел значительное влияние на императрицу Александру Федоровну, до 1905 года председательствовавшую в комитете. Он не препятствовал влиятельным ходатаям обольщать ее красивыми миражами, имевшими мало общего с действительностью и шедшими в разрез с настоящими целями попечительства,—и в то же время возражал против таких предложений, как, напр., сделанное мною в 1899 году, о направлении деятельности и средств попечительства на помощь голодающим путем организации общественных работ. При докладе некоторых дел, касавшихся компетенции министра финансов по вопросам фабричного и ремесленного уставов, Витте воздер-

живался обыкновенно от необходимых возражений и молчаливо примыкал к большинству. Но, однажды, он—защитник входящих в состав России инородцев—выступил в комитете в совершенно неожиданной роли. Это было 7 января 1903 года. В комитет было внесено ходатайство еврейского общества города Вильны о разрешении открытия дома трудолюбия для евреев, в виду тяжких экономических условий, в которых в Западном Крае находилось это население, скученное в городах. Против такого разрешения высказались, главным образом, указывая на необходимость противодействия еврейской обособленности, Виленский губернатор фон Валь и «за министра внутренних дел»—товарищ его—П. Н. Дурново. Заседание было так интересно во многих отношениях, что член комитета, барон П. Л. Корф, бывший петербургский городской голова назвав его «историческим» просил меня записать все в нем происходившее, по свежей памяти, что я и исполнил в тот же день. Я проверил эту запись с Е. Ф. Максимовым бывшим в то время секретарем комитета. Вот что у меня записано: «Танеев предлагает прежде всего выслушать Плеве и тот говорит с точностью выражений и с обычным спокойствием: «я считаю еврейство явлением враждебным национальному и государственному благу России. Свойства евреев таковы и проявления их деятельности, направленной враждебно против государства и существующего порядка, столь серьезны, что правительство имеет не только право, но и обязанность налагать на них стеснительные меры и не давать им уравнительного положения с христианским населением. С этой точки зрения, я вполне солидарен со взглядом моих предшест-

венников и считаю всякое ослабление мер, принятых против еврейства несогласным с видами и задачами правительства. Я должен, однако, вместе с тем привести два указания, имеющих отношения к разбираемому вопросу. Количество еврейского населения в России составляет в настоящее время пять миллионов: из них три с половиной миллиона населяют Западный край. По закону 1883 года они все скучены в городах, при чем лишь триста тысяч проживают в местечках по временным условиям, остальные же ютятся в ужасающей нищете и самых антигигиенических условиях, при чем их бедность доходит до того, что целые семейства, состоящие из многочисленных членов, по неделям питаются одним черствым хлебом, и одна селедка, разделенная на маленькие кусочки, составляет роскошь, которую можно себе позволить лишь в праздник. С этим голодом связана и крайняя безработица, вызывающая небрезгующую ничем конкуренцию. Достаточно сказать, что дневной заработок рабочего доходит до четырех-пяти копеек в день. Вместе с тем среди евреев замечается сильное ослабление религиозных начал и семейного авторитета, вследствие чего, еврейская молодежь наполняет собою ряды лиц, готовых разрушать общественный порядок и возрастающих в чувстве голодного озлобления. Поэтому, несмотря на все мною сказанное, надо признать, что всякие шаги к облегчению евреям взаимной помощи для возможного устранения тяжелого экономического положения должны быть поддерживаемы, и я, со своей стороны, считаю вполне возможным разрешение учреждения дома трудолюбия в Вильне. Если комитет согласится со мною, то я доложу об отмене рас-

поряжения о неразрешении союзов еврейской взаимопомощи в Западном крае, которое было издано, согласно прежнему направлению деятельности министерства внутренних дел».

Императрица слушает с особенным вниманием. Витте, к которому она обращается, говорит: «в виду заявлений статс-секретаря Плеве, я должен сказать, что хотя и во всех министерствах стеснительные меры против евреев считались необходимыми, но министерство финансов всегда их признавало несправедливыми и в своей деятельности, считая евреев полезными посредниками для торговли и промышленности, отступало от этого неоднократно, и будет впредь отступать. Так и теперь разрешение открытия Виленского дома трудолюбия ничего, кроме хорошего влияния иметь не может, но надо однако помнить, что это разрешение возбуждает общий вопрос: результатом его будут ходатайства из массы мест, где евреи обрадуются возможности открывать союзы взаимопомощи, и не будет уже основания этого не разрешать. Но тогда образуется взгляд, что дотоле ограниченное в правах еврейство пользуется особым покровительством комитета и вашего императорского величества, а самому комитету придется преимущественно заниматься делами еврейской взаимопомощи. В таком положении дел нельзя не видеть известной опасности, и я считаю необходимым обратить на это внимание комитета». Плеве, поднимая брошенную ему перчатку, говорит, что он такой опасности не видит, так как евреи скучиваются в таких жалких поселениях, что ходатайства о Домах трудолюбия могут поступать

только из больших городов, которых не так много. При этом он напоминает, что по правилам попечительства все вопросы об открытии Домов трудолюбия и утверждении их уставов, рассматриваются в комитете,—а следодовательно от него всегда будет зависеть положить предел учреждению ненужных или нежелательных Домов трудолюбия. Но правительство не должно пренебрегать возможностью оказать примирительное влияние; это требуется интересами государства и здравой политикой—и он вновь *ходатайствует* о разрешении открыть еврейский Дом трудолюбия в Вильне. В ответ на это, Витте вновь настойчиво указывает, что невозможно давать утвердиться в народе взгляду на русскую императрицу, как на покровительницу евреев.—«Вопрос об открытии Дома трудолюбия в Вильне—говорит снова Плеве—может быть разрешен на основании задач попечительства, но вопрос о значении, какое придает министр финансов разрешению еврейской взаимопомощи комитетом не может быть решен никем из присутствующих, кроме самой августейшей председательницы, причем поставить ее в известность о всех возможных последствиях подобного ее разрешения, лежит на обязанности вице-председателя». Тогда Танеев, с озабоченным видом предлагает отложить дело. Против этого протестует А. А. Сабуров, барон Корф и А. Ф. Кони, находя, что вопрос о разрешении открытия Дома трудолюбия в Вильне достаточно выяснен в положительном смысле и что такое решение соответствует цели и нравственному призванию комитета. Но дело, все таки, при согласии большинства, откладывается и вопрос общегосударственной политики, раскрыв

неожиданную непоследовательность двух *действительных* русских самодержцев попадает в паутину канцелярской волокиты».

* * *

Мои последние свидания с Витте, вне стен государственного совета, произошли в апреле 1910 года. Написав мне, что он желает переговорить по одному важному делу, он привез мне копии с различных актов предварительных следствий, произведенных по поводу открытых в печах его дома, на Каменноостровском проспекте в конце января 1907 года двух адских машин и о приготовлении в конце мая того-же года для его убийства разрывной бомбы. Негодуя на попустительство к подготовке совершения этих преступлений и на медленность производства исследования, тянувшегося более трех лет, и затем прекращенного за смертью одного из обвиняемых —Казанцева—и за невыдачею другого—Федорова—французским правительством,—он просил меня высказаться по поводу этих актов. Ближайшее ознакомление с последними привело меня к выводу, что убийство Казанцева Федоровым и пребывание последнего во Франции в качестве политического преступника давало формальный повод для прекращения следствий по отсутствию обвиняемых, но что исследование, которое необходимо было сосредоточить в одних опытных руках, страдало предвзятой близорукостью, побуждавшей не поднимать вопроса о возможной и даже весьма вероятной виновности других лиц, иного общественного положения, и об отноше-

нии к ним Казанцева. Я сказал об этом Витте при его вторичном посещении и посоветовал требовать, в виду несомненной важности этого дела, переследования его через кого-нибудь из независимых по характеру юристов, входящих в состав верхней палаты, с целью выяснения всех, лиц прямо или косвенно причастных к злодейскому предприятию. Он с большой горечью говорил о ходящем в некоторых кругах и быть может отразившимся на «рукавоспустии» при ведении следствий — ехидном предположении, что адские машины были подложены по его поручению—и я не мог не разделить вполне этого справедливого и глубокого негодования.

Настоящие отрывочные воспоминания написаны в начале 1923 года после ознакомления с I и II томами мемуаров графа Витте. В нынешнем году вышел и III том, приводящий меня к заключению, что протекшее время значительно повлияло на память автора о некоторых отдаленных обстоятельствах из его жизни. Только полным запамятованием того, что было в действительности можно об‘яснить некоторые места в этом III томе. Таков, например, рассказ (стр. 161) о прибытии Витте в Харьков для участия в экспертизе о причинах крушения по вызову барона Шернваля, лежавшего с поломанной рукой на вокзале железной дороги. Участвуя—по его словам—в экспертизе на месте крушения поезда вместе с инженерами путей сообщения и директором технологического института Кирпичевым, он разошелся с

последним в выводах о причинах крушения.—Не говоря уже о том, что барон Шернваль, в виду производившегося следствия, не имел права возлагать на кого-либо участия в следственной экспертизе и, что по закону лицо вызванное и допрошенное в качестве свидетеля ни в каком случае не может быть в то же время экспертом по тому же делу, надо заметить, что Витте, как видно из протоколов следствия, вызван был в качестве свидетеля по 443 ст. устава уголовного судопроизводства, допрошен 4 ноября 1888 года и не принимал никакого участия в экспертизе не только Кирпичева (о состоянии шпал взятых с места крушения), произведенной в Технологическом Институте лишь 14 ноября, но и в экспертизе пятнадцати приглашенных сведущих людей, окончательное заключение которых дано 6-го ноября. Крушение произошло 17-го октября, и с девятнадцатого числа до восстановления прямого движения по дороге, я жил на месте крушения, присутствовал при осмотрах пути и подвижного состава и Витте в числе экспертов или при их совещаниях ни разу не видел.

Что память в данном случае изменила Витте видно из того, что по его словам ко времени крушения относится и его *первая встреча* со мной, при чем мне „ужасно не понравилась“ его экспертиза, так как я считал, вопреки ему, виновным правление дороги, а не центральное управление министерства путей сообщения и инспекцию царских поездов. Между тем, на стр. 101 того же тома, говоря о комиссии по начертанию общего устава железных дорог, Витте упоминает об участии в ней (с 1876 до 1882 г.) юристов Кони и Неклюдова, кото-

рый, будто бы, впоследствии был обер-прокурором святейшего синода(?!). Очевидно, что он совершенно забыл, сколько раз мне приходилось спорить с ним—как это видно из печатного сборника журналов комиссии—по вопросам о порядке пред'явления исков к железным дорогам об убытках, о необходимости определения числа рабочих часов, об ответственности железных дорог перед пассажирами и т. п. Забыл он также, что еще в 1884 году, т. е. за четыре года до крушения в Борках он доставил мне экземпляр своей книги *Принципы железнодорожных тарифов* с любезною надписью «от автора». Не имея случая видеть Витте в Харькове после его допроса во все время производства следствия до половины января 1889 года, я не имел ни возможности, ни какого—либо повода говорить с ним об участии его в неизвестной мне его экспертизе и высказывать свое мнение о виновности правления и министерства п. с., тем более, что постановление следователя о привлечении правления Курско-Харьково-Азовской железной дороги состоялось почти через месяц после исследования в Технологическом Институте шпал, при чем они были признаны, по своему состоянию и свойствам, оказавшими существенное влияние на расшивку пути, вызвавшую крушение. Относительно того, что будто бы мне „ужасно не нравилось“ данное им „заключение“ (?) об исключительной виновности центрального управления м. п. с., приходится указать на то, что в заседании особого совещания при государственном совете, состоявшемся 6-го февраля 1889 года под председательством в. к. Михаила Николаевича при участии председателей департаментов совета, государственного секретаря

и министров путей сообщения, юстиции, внутренних дел и адмирала Чихачева, согласно с моим докладом о результатах следствия, было постановлено о привлечении к ответственности Посьета и барона Шернваля. Подробности этого совещания изложены мною в упомянутых выше предназначенных для печати воспоминаниях.

Цена 50 к.

Того же автора:

«Самоубийство в законе и жизни» ц. 35 к.

СКЛАД ИЗДАНИЯ:

Москва. ул. Кропоткина (бывш. Пречистенка), д. 17,

Издательство «ПРАВО и ЖИЗНЬ».